

**ДЕТСКИЕ ЗАНЯТИЯ КАК СРЕДСТВО ТРАНСМИССИИ КУЛЬТУРЫ
В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

Важнейшей формой деятельности, формирующейся в детстве, являлся труд. Лучшие умы человечества уже несколько столетий назад были обеспокоены проблемой воспитания подрастающего поколения и подготовки его к трудовой самостоятельной жизни, а на заре капитализма английский мыслитель-гуманист Томас Мор, автор известной «Утопии» высказался за то, чтобы молодое поколение воспитывалось в процессе труда. Он считал, что в идеальном гуманистическом обществе трудом должны быть заняты все дети с раннего возраста. Учатся труду «отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти и на ее ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают» (Антология мировой философии...1970. С.102). Так впервые была сформулирована идея трудового воспитания подрастающего поколения как необходимое условие развития нарождающейся, более прогрессивной капиталистической системы.

«Каждое поколение входит в жизнь, идет по ней в направлении развития культуры и традиций, а на смену ему рождается и растет в труде на его «плечах» новое поколение. Так в бесконечном потоке одно поколение сменяет другое, наследуя его достижения и приумножая их», – писал, говоря о традициях в истории культуры, Г.А. Спиркин (*Спиркин Г. А., 1978. С. 10*).

Первоначально труд существовал в рамках игр в трудовые процессы («игра в семью», «игра в жатву», «игра в пахоту», «игра в праздник ковра» и т.д.), хотя с самого раннего детства можно было выделить элементы трудовой активности в чистом виде. Например, чеченцы справедливо считали, что трудолюбивым не может быть ребенок не думающий, не переживающий. Чем умнее, тем больше у него стремления к разным видам трудовой деятельности, а также больше эмоций и сильнее воля. Чеченцы говорили о таком ребенке «кьохцам ша долаш долу ара», «болх ца бечун хIусаме ирс ца кхочу» – в доме, где не работают, не будет счастья (*Хасбулатова З. И., 2007. С. 132*).

Труд, трудоспособность – важная черта и способность, изначально заложенные в человеке как природная данность.

В системе воспитания привитие трудолюбия, важнейшего, необходимого качества человека, считалось очень важным. У каждого народа есть свои правила или обязанности, которым он в течение жизни должен следовать. У многих народов Дагестана популярна поговорка-обязательство: «К определенному возрасту мужчина должен построить дом, родить сына и посадить дерево». У чеченцев «юноша в то далёкое время должен был посадить сад, очистить родник, вырастить сына и выжать из собственного винограда сок – таков был перечень правил, который должен был знать юноша» (*Хасбулатова З.И., 2007. С. 131*). Трудовая деятельность была жизненной потребностью народа.

В силу того, что дети любят копировать действия взрослых именно в раннем возрасте, уже 2–3-летние девочки брали веник в руки, пытались лепить из теста

куропаточек, мыть посуду и т.д. Мальчики в этом возрасте тоже иногда начинали повторять за матерью какие-то действия, за что получали замечания от старших братьев за «немужское занятие». Народ стремился пробуждать интерес к труду у своих детей с малых лет. Для этого он вложил в детские песенки, прибаутки и ладунки трудовое содержание. «Все м малышам, наверное, приходилось слышать веселую прибаутку о том, как две маленькие мышки носили воду в ведерках с речки, бабушка бузу варила, а молодая сноха с огня котел снимала. В прибаутке все действующие персонажи заняты делом, трудятся, даже мышки выполняют поручение», – пишет М. Гуртуева (*Гуртуева М.Б., 1997. С. 30*).

Подобные прибаутки имелись в арсенале педагогических средств у всех северокавказских народов. Так, аналогичная трудовая тема выражена в прибаутке о жуке-труженике, созданной для вайнахских ребятишек: «...От своей норы, от дома отлети, к дому шарик из соломы подкати! Просыпайся, черный жук, черный жук, проворный жук» (Песни вайнахов. 1972. С. 92).

Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью семьи в дополнительных рабочих руках (народам Дагестана и Северного Кавказа было присуще понятие, что дети не хозяйственная принадлежность – рабочие руки, а нравственная ценность), но и с соображениями воспитательного порядка – нелегкий в целом труд жителей горного края требовал, чтобы к нему привыкали с самого начала сознательной жизни. Опыт подсказывал, что если ребенок с детства не «войдет» в работу, позже труд будет казаться тяжелым, порой и невыносимым. Считали, что в хорошей семье ничего не заставляют делать – ребенок сам должен иметь желание помогать родителям. Предполагалось, что принуждение отвернет ребенка от трудовых ролей. Говорили, что «нельзя заставлять кушать того, кто этого не хочет делать; и без желанья работающего – работать»; «Мастером становится тот, кто с любовью принимается за дело». Взрослые должны были лишь мудро оберегать ребенка поговоркой: «Не можешь (чувствуешь, что не справишься) – не делай». З.И. Хасбулатова, например, в трудовом воспитании выделяет условно-возрастные этапы (2–5, 7–9, 10–17), каждый из которых имеет свои конкретные задачи и цели. Первый этап – от 2–5 до 7–10 лет соответствует первой ступени трудового воспитания в семье – на этой стадии у детей закладываются основы трудолюбия и вырабатываются соответствующие навыки. Первостепенными средствами освоения последних было и есть подражание взрослым в процессе совместных игр девочек и мальчиков, что можно считать особенностью этого этапа воспитания (*Хасбулатова З.И., 2007. С. 133*).

Важнейшей задачей старшего поколения являлось воспитание в детях чувства глубокого уважения к труду. М.Б. Гуртуева, в частности, пишет: «Заветы и наставления отцов и дедов о трудолюбии, естественно, занимают в устном поэтическом творчестве самое большое место: «Жигерни тангы алгъа атар» («Для трудолюбивого утро раньше рассветает»); «Жигер ишин тюшон-де кёрюр» («Трудолюбивому и во сне работа снится»); «Къыйналып ишлегенинги къууанып ашарса» («То, что добыл своим трудом, будешь есть с удовольствием»), – поучали молодых карачаевские и балкарские труженики. Юным осетинам преподносили школу трудолюбия народные изречения: «Труд ищет трудолюбивого», «Нет проку в работе, которую делаешь без желанья», «Работать, так обеими руками»» (*Гуртуева М.Б., 1997. С. 31*).

Труд в данном случае – это не только посильная работа по дому: содержание в чистоте двора, уборка в доме и др. Но это еще и умение ухаживать за собой и своей одеждой (стирать ее, штопать), присматривать за малолетними детьми в се-

мье, собирать травы, фрукты и корни (последние использовались для изготовления красок в ковровом производстве), а также заготовка хвороста, сушка и производство кизяка становились делом девочек. Если в селе был развит какой-нибудь промысел, то уже с малых лет девочек приучали ткать, вязать, прясть, вышивать; мальчиков обучали кузнечному, серебряному или плотницкому делу, и они были на посылках. У адыгов, особенно в семьях социальной верхушки девочек «учили вышивать золотом и шелками, делать тесемки, галуны, шить платья», – писал Ш.Б. Ногмов (*Ногмов Ш.Б.*, С. 80).

Взрослые, обычно деды, учили своих внуков изготовлению и починке необходимых в хозяйстве орудий труда: деревянных ложек, вилок и других предметов кухонной утвари.

В вопросах трудового воспитания у народов Дагестана и Северного Кавказа очень важна была поло-ролевая стратификация.

Исследователи считают, что «идентификация ребенка по полу осуществлялась практически с момента рождения, а в известном смысле и предшествовала ему (ношение амулетов для рождения сына и т.п.)» (*Карпов Ю.Ю.*, 1996. С. 22). Однако именно в период разграничения функций между детьми наглядно проявлялась идентификация ребенка по полу. В Дагестане, в частности, там, где преимущественно проживали народы, у которых земледелие и скотоводство (с небольшим изменением соотношения в различные периоды истории) имели почти равное значение (*Гаджиева С.Ш., Османов М-З. О., Пашаева А.Г.*, 1967; *Булатова А.Г.*, 2000. С. 125–137; *Исламмагомедов А.И.*, 2002. С. 64–114), с особой наглядностью давало о себе знать своеобразие мужских и женских ролей в некоторых видах деятельности, связанных, как с содержанием скота, так и с занятиями в поле (*Рагимова Б.Р.*, 2001. С. 63–74).

Также жестко у народов Северного Кавказа был регламентирован женский и мужской труд. Как отмечают исследователи, «среди населения, проживающего в неодинаковых природно-климатических условиях, на территориях с разным профилем хозяйства, в обществах с различными социальными порядками по-разному оценивался вклад мужского и женского труда в копилку общего благосостояния» (*Карпов Ю.Ю.*, 2001. С.218). Соответственно такому положению была запрограммирована ситуация, адекватная существовавшим в каждом обществе традициям. Домашнее хозяйство, домашний труд, включавший и многие женские промыслы, также был абсолютной прерогативой женщины. Стереотипы «мужественности» и «женственности» воспроизводились воспитанием.

Мужские сферы деятельности, издревле ограниченные высокопрестижным статусом мужчины (мужчина–воин, наездник, мужчина–защитник отечества, семьи и ее чести), больше находились вне пределов дома. «Работы вне дома – мужу, внутри дома – жене» – гласила карачаевская пословица.

Для того чтобы приучить детей к труду, часто использовали всевозможные были, притчи, прибаутки. По поводу того, что труд – это достаток в доме, в Дагестане детям рассказывали одну притчу: «Говорят, были у одного состоятельного человека хорошая земля и три сына, они были очень ленивы, не работали, не помогали отцу, только проматывали состояние и в конце-концов, когда отец не в состоянии уже был работать в саду, почти обнищали. Старый отец, умирая, сказал детям, что ничего им не может оставить, кроме земли, но если копать землю – золото можно найти. Похоронив отца, трое сыновей, буквально восприняв его фразу, стали искать клад, перекопали весь сад. Клад они, конечно же, не нашли, но

зазеленели заброшенные деревья, появились плоды. Обменяли они фрукты на другие продукты и безбедно перезимовали. А весной, уже поняв, что было скрыто за словами отца, дружно втроем взялись за сад. И так каждый год. С течением времени вернулся и былой достаток».

У народов Северного Кавказа также были популярны короткие рассказы, притчи и сказки, которые несли конкретную воспитательную нагрузку. В частности, у адыгов относительно отношения к труду очень популярен короткий рассказ «Трудовые деньги», который приводит в своей работе С.Х. Мафедзев:

«У некоего богатого отца был сын лентяй. О труде он не имел никакого понятия: ел и пил готовое, одевался в одежду, сшитую чужими руками, притом был очень расточителен. Отец, желая приучить сына к труду и сделать его бережливым, отвез его в дальний аул и отдал одному кабардинцу в работники за один золотой в год. Хозяин, зная, что этот ребенок – сын богатых родителей, не заставлял его особенно работать, хорошо кормил и одевал. По прошествии года он дал ему золотой и отпустил домой. Вернувшись, сын отдал заработанный золотой отцу. Тот взял золотой и бросил его в реку; сын же не обратил никакого внимания на этот странный поступок отца.

На другой год отец отдал сына в работники к другому хозяину и тоже за один золотой в год. Этот хозяин, как и первый, не принуждал работника к труду, хорошо кормил и одевал, а когда прошел год, вручил ему золотой и отпустил домой. Пришел сын к отцу и отдал ему золотой. Тот взял золотой и снова бросил его в реку; сын же по-прежнему не придавал никакого значения поступку отца.

На третий год отец отвез сына в дальний аул, отдал его на год в работники к небогатому кабардинцу, не назначая за работу никакой платы. Новый хозяин с первого же дня заставил работника трудиться до полного изнеможения и только вечером, по окончании работы, накормил его. Тяжел показался лентяю труд: он обливался потом и часто до того обессиливал, что в изнеможении падал на землю, а хозяин не давал ему отдыха, называя его дармоедом. Со временем прежний лентяй так привык к работе, что хозяин всегда оставался им доволен. Проработал он год, понатер на руках мозоли, а одежду изорвал и истрепал. Наконец хозяин вручил работнику два золотых и отпустил его домой.

Пришел сын к отцу и отдал ему золотые. Тот взял их и только было сделал движение, чтобы бросить их в реку, как сын бросился к нему и схватил его за руку. Отец с удивлением посмотрел на сына, но тот сказал: «Не бросай, отец, этих золотых в воду: они достались мне тяжелым трудом» (Мафедзев С.Х., 1991. С.90).

Такие короткие рассказы не требовали большого времени. Они рассказывались к случаю прямо за работой или же во время короткого перерыва. Иногда даже требовался не весь рассказ, а только напоминание о расточительности и ленивом сыне, о золотом, выброшенном в реку, и т. п.

Огромное значение для подростков имели беседы и разговоры, услышанные на общественных посиделках, когда их допускали туда именно в воспитательных целях. Таким образом, трудовая социализация детей и подростков, или, как это еще можно назвать, одна из форм деятельности детей, осуществлялась двумя путями: через непосредственное участие детей в повседневной практике семьи и путем ориентации их взрослыми на различные трудовые роли. Последний способ относился к главным, специализированным занятиям мужчин и женщин в обществе, совокупностью которых достигалось необходимое жизнеобеспечение. Как мы имели возможность наблюдать, и у народов Дагестана, и у народов Северного

Кавказа был практически один и тот же подход и воспитательные приемы приобщения детей к трудовой практике, которая играла огромную социализирующую роль.

Следующей формой деятельности, осваиваемой ребенком, которая играла ключевую роль в социализации ребенка у народов Дагестана и Северного Кавказа, являлись игры. Существует разработанная специалистами типология детских игр, которые подразделяются в зависимости от характера осваиваемых навыков на следующие типы: а) физические игры, в которых тренируется и развивается физическая активность; б) стратегические игры, тренирующие и развивающие способность прогнозировать возможные результаты любой деятельности и оценивать вероятность этих результатов; в) схоластические игры, где решающая роль принадлежит случаю, удачному стечению обстоятельств, приучающие ребенка к тому, что он может встретиться с неконтролируемыми обстоятельствами, к представлению о риске; г) ролевые игры, предназначенные для того, чтобы ребенок осваивал те функции, которые ему придется выполнять в будущем. Естественно, что вся игровая деятельность важна для развития личности, но в наибольшей степени социализирующими являются ролевые игры, особенно те, которые отображают повседневную жизнь взрослых людей. Нет сомнений, что именно в играх развиваются такие личностные свойства, как интеллект, способность к обучению, фантазия, воображение. Значимое место в процессе первичной инкультурации принадлежит освоению трудовых навыков и формированию ценностного отношения к труду. Можно сделать вывод, что инкультурация ребенка является предпосылкой его трансформации во взрослую, способную к адекватному участию в социокультурной жизни личность.

Можно предположить, что одни игры придумали взрослые с определенными целями, другие игры – сами дети, пытаясь удовлетворить какие-то потребности. А.С. Макаренко точно подметил: «Как ребенок играет, так и будет работать».

Как видно из типологии игр, приведенной выше, безусловно, что игры как один из видов деятельности взаимодействуют с различными аспектами жизнедеятельности и влияют на формирование личности в соответствии с характерной для данной этнической общности моделью. Безусловно, что игры имеют прямую связь с развитием интеллектуальных способностей, с обучением, со стереотипами поведения, с характером фантазии и воображения. Не менее значительно то, что игры влияют на освоение этнокультурных ценностей данного общества, т.к. именно на играх как на очень легко воспринимаемых, наиболее усваиваемых детским сознанием формах деятельности лежат многообразные функциональные нагрузки. Именно в игре дети легко и просто овладевают многими навыками, имеющими этническое происхождение, копируют и воспроизводят мир взрослых. Как мы отмечали, дети в игре овладевают первыми формами трудовой деятельности, учатся общению со сверстниками, т.е. воспитательному процессу «по горизонтали» (Кон И.С., 1988. С. 19) во всем многообразии. Огромное значение игры имеют для развития фантазии и воображения, их форм проявления и особенностей содержания. Уже в самом процессе формирования ребенка игра способствует выработке таких социальных качеств человека, как трудолюбие, нравственное достоинство, интеллектуальный облик. Отображая доступными средствами общие физические данные ребенка, игры воспитывают стойкость, умение владеть различного рода орудиями и инвентарем и т. п. Потребностям ребенка развиваться духовно способствуют игры интеллектуально-нравственного характера. Все разновидности игр и игровой деятельности являются неотъемлемой частью подго-

товки подрастающего поколения к практической жизни. Возможно, в этом и причина их видового многообразия.

Вообще, все воспитательные средства дагестанской и северокавказской народной педагогики находились в неразрывной связи. Если, как правило, в сказках, пословицах, поговорках и других фольклорных жанрах отражалась квинтэссенция педагогической мудрости, творческой и духовной культуры народа, то в играх были заключены те непосредственные практические средства, при помощи которых осуществлялась их трансмиссия в процессе социализации. Таким образом, можно предположить, что игры являлись составной частью этнической культуры как народов Дагестана, так и народов Северного Кавказа. В них в своеобразной, по-детски упрощенной форме отражалась действительность во всей ее многогранности, включая хозяйственный, общественный и семейный быт.

С.Х. Мафедзев считает: «Дети не принимают скучных для них игр. Поэтому то, что они в одни игры играли больше, а в другие меньше, объясняется характером, в частности, возрастным составом детской группы, которая подбиралась для игры. При этом важны как игры одиночные (индивидуальные), так и групповые (коллективные). Более полезными, разумеется, были последние, которые, помимо всего прочего, воспитывали детей-лидеров, которые умели организовывать и вести остальных за собой, умели управлять детским коллективом, были инициативными, настойчивыми и изобретательными. В то же время исключительное значение имело то, что старшие дети-лидеры занимались воспитательным, педагогическим трудом. Воспитывая других, они и сами занимались самовоспитанием, совершенствовали свое умение, мастерство» (Мафедзев С.Х., 1991. С.64). Как утверждает Б.Д. Эльконин – «игра способствует становлению личности» (Эльконин Б. Д., 1978. С. 288).

Основное назначение детских игр – физическое воспитание, закаливание, накопление сил, укрепление здоровья. «В здоровом теле – здоровый дух», – учит народная мудрость. Физически здоровому человеку легко дается умственная деятельность. В детском возрасте очень популярны были метание по цели и катание маленьких камешков; зимой – катание по льду, стоя на ногах и балансируя руками для равновесия или сидя на чем-нибудь; многим детям деды и отцы мастерили своеобразные деревянные санки, на которых они скатывались с горок; довольно популярны были зимой и игры в снежки – сбивание палкой, брошенной издали с расстояния в 10–15 шагов кучки снежков (выигрывал тот, кто с 3-х попыток сбивал большее количество снежков).

В горах Дагестана, Северного Кавказа, в суровых климатических и природных условиях, где жизнь была нелегкой во всех отношениях, а дополнительно еще и военизирована, часто выживание во многом зависело от того, насколько человек был физически силен, ловок и соответственно своему физическому состоянию силен духом и храбр. Этим качествам придавалось огромное значение, что, естественно, отразилось в первую очередь в фольклоре: «Для удальца–храбреца и сто способностей мало»; «Если нет в тебе духа – не иди на войну». Особенно актуально было быть физически и морально-психологически сильным в обстановке, когда смерть особенно в бою, была предпочтительнее трусости, проигрышу, малодушию или даже нейтралитету: «Если силы духа нет, орел тура не убьет»; «Хороший человек не покажет, что боится; хорошая лошадь не покажет, что устала» и др.

Исследователь дагестанской физической культуры М.Г. Мусаев отмечает: «Народная традиция в этом вопросе четко расставляла свои акценты: в отноше-

нии дочери, девочки родители и родственники беспокоились, проявляли заботу о здоровье как таковом. В мальчике они хотели видеть не просто здорового, но еще и крепкого, выносливого, сильного, ловкого человека и прилагали к этому определенные усилия – его физическое воспитание начиналось, как только ребенок начинал самостоятельно ходить» (Мусаев М.Г., 2006. С. 14).

Физическая подготовка горца-дагестанца делилась на 4 этапа, каждый из которых имел свои задачи (Дибиров М.А., 1968. С. 11). Физическому развитию и воспитанию детей и подростков, как отмечалось, семья придавала большое значение; физическую закалку дети и подростки получали как в процессе участия в трудовой деятельности семьи, так и во время игр. Уже годовалого ребенка пытались закалывать, считая это основой нормального развития костно-мышечной системы. Первые физические упражнения выглядели так: родители, ставя ребенка (обычно мальчика) на свою ладонь, держали его на весу на уровне вытянутой руки; на несколько секунд опускали головой вниз, слегка раскачивая; очень часто подкидывали ребенка и ловили (возможно, что это были упражнения, которые развивали вестибулярный аппарат с самого раннего детства). При этом, как отмечают, подобные упражнения детям доставляли удовольствие; если ребенок плакал, особенно при подкидывании, это вызывало недовольство родителей.

Физическое воспитание на первом этапе осуществлялось ненавязчиво, в щадящем режиме (считалось, «неокрепшие, мягкие кости перегружать нельзя»), обычно это была физкультура в играх, в танцах и конечно посильный труд в доме приблизительно с 3-х лет (отнести, принести, первые попытки подмести пол и т.д.). По поведению в игре предсказывалось будущее ребенка. В играх детей видели фактор их роста, развития и формирования. «Сердце матери в детях, а сердце детей – в играх», – говорят казахи. «Ребенок не устанет играть, а лентяй спать», – вторят им киргизы. «Хочешь узнать человека – смотри на его поведение, хочешь узнать ребенка – смотри на его игры», – отмечали дагестанцы. Эту же мысль очень удачно передал народный поэт Дагестана Расул Гамзатов в стихотворении «Старые горцы»:

«Когда над верхнею губою
У Шамиля белел пушок
И босоногою гурьбою
Шамиль командовать лишь мог,
Сказал о нем еще в ту пору
Старик гимринский как-то раз:
«Дымиться он заставит порох,
И будет гром на весь Кавказ!»

Специфика социального пространства подростковой среды большинства населенных пунктов Дагестана и Северного Кавказа заключается в том, что это, в основном, локоцентрические сообщества (Головин В.В., Лурье М.Л., www). В подростковой среде всегда прослеживалось деление на квартальные, группы, которые противостояли друг другу. Исследователи традиционно отмечают, что дух здорового соперничества прививался детям с самого раннего возраста. Поэтому у мальчиков и подростков чаще всего в кварталах постоянно возникали соревнования как бы сами собой: часто игры и состязания не подготавливались, никто ни с кем обычно не договаривался, условия не ставились и не вырабатывались; они складывались, как правило, в процессе игры-соревнования (Мусаев М.Г., 2006. С. 15–16). Дети постарше, но еще довольно маленькие, увлекались бегом наперегонки,

прыжками с места в длину, с высоты, но, как правило, небольшой, т.к. все игры и физические упражнения, опасные для этого возраста или сложные, могущие повлечь за собой увечья или травмы, строго запрещались, не разрешалось и поднятие тяжестей: считали, что непосильный труд в детстве вызывает остановку роста.

Более раздольным для фантазии детей (а именно они чаще всего придумывали новые или совершенствовали старые игры) было, конечно, теплое летнее время года – в это время были популярны купание в речках или других водоемах, плавание в запрудах, которые для детей младшего возраста делали взрослые; лазание по деревьям на скорость и ловкость; подъем на холм на скорость; летом наибольшее оживление вызывали игры, организованные для детей взрослыми, – устраивали своеобразные состязания в стрельбе из лука. Наградой была похвала в меткости. В этом раннем возрасте детей уже приучали к мысли, что надо развивать и меткость, и выносливость, чтобы вырасти настоящим мужчиной. В некоторых соревнованиях (бег, лазанье, прыжки и т.д.) не было запрещено и участие девочек до 6–7 лет. Виды игр соответствовали возрасту, полу и т.д. Следует отметить, что в физическом воспитании на первом возрастном этапе (до 6–7 лет), в отличие от второго этапа (от 6–7 до 15–16 лет), где большинство игр и игровых забав проходило самостоятельно как подражание взрослым, в организации большинства из них наблюдалось постоянное участие и помощь взрослых (старшего брата, отца, деда и т.д.). Игры, способствовали физическому развитию, помогали приобрести ловкость, быстроту, подвижность, сноровку и т.д.; бытовали игры, развивавшие умственные способности и нравственные качества. Они являлись составной частью этнической культуры, в них отражались и социально-классовые отношения. Игровая форма воспитания – это не только обобщенная форма педагогических взглядов народа на воспитание, но и своеобразная общественная память, которая передавалась из поколения в поколение, формировала человеческий характер, воспитывала волю, трудолюбие, вырабатывала и закрепляла необходимые в быту навыки и т. д.

Особым видом развития детей с максимальным учетом культурных традиций можно считать игры с игрушками. А. Е. Аркин утверждает, что существуют «игрушки, которые образуют как бы основную тему, в многочисленных разнообразных вариациях повторяющуюся на различных широтах и долготах земного шара, у различных народов» (Аркин А.Е., 1935). Вследствие этого игрушка предстает как очень древнее и сложное по своему содержанию явление человеческой культуры.

Многие традиционные игрушки были как бы уменьшенными копиями предметов, с которыми ребенок сталкивался повседневно, и потому содержали в себе существенный элемент реальности, соответственно служили трансмиссии бытовых традиций. В играх дети трудились, сами изготавливали игрушечные орудия труда: деревянные лопатки, столики, стульчики и т.д., девочки делали куклы из тряпок и ниток. Дети в разных игровых сценах: семейных, календарных праздников и др. как бы проверяли себя в ролях землепашца, скотовода, главы семьи, т.е. воспроизводили функции, которые в будущем их ожидают во взрослой жизни. Некоторые игровые действия осуществлялись при помощи различных предметов, приспособлений или игрушек.

В игрушки играли дети, но некоторыми из них окружали себя и взрослые. Такой интерес к игрушкам предполагает давнюю историю существования этих предметов традиционного быта.

Традиционная игрушка (как впрочем, и игровая культура в целом) – явление специфически человеческое, она во все времена оказывала важное и во многом определяющее влияние на формирование личности. Понятно, что в использовании определенных видов игрушек существовали половозрастные ограничения и предпочтения.

Так, первый этап охватывает рождение и младенчество; второй – детство; третий – отрочество и период обучения. На первых двух этапах сами игрушки и игры с применением игрушек занимали важное место в умственном и физическом развитии ребенка. При этом подобное деление на возрастные этапы, когда речь идет об использовании игрушек, явление универсальное, как для народов Дагестана, так и для народов Северного Кавказа.

Что же касается системы влияния традиционной игрушки на сознание ребенка, то она была продуманной и многоплановой, воздействуя на все уровни ощущений – тактильный, визуальный, звуковой; через игрушки ребенок обогащал свои знания, умения, навыки, необходимые для адекватной «социализации» в конкретно-исторических условиях. Ведь именно в период детства в ребенке закладывается широкий круг навыков и понятий, подготавливающих его к дальнейшей взрослой созидательной деятельности в коллективе людей.

Именно игрушка способствовала первичной инкультурации ребенка. Не случайно исследователи пишут, что игрушка – это предмет, который с раннего детства постепенно вводит его во владение материальной и духовной культурой человеческого общества (*Рейнсон-Правдин А.Н.*, 1949. С. 131), и рассматривают игрушку как особую форму его жизни, в которой осуществляется связь ребенка с окружающим взрослым миром.

Игрушка «работает» в игре лишь тогда, когда она не мешает, а способствует игровой фантазии ребенка. В раннем возрасте легче всего в игру включается простая игрушка, наделяемая детской фантазией самыми разнообразными, изменяющимися возможностями и свойствам.

Вообще изучение игровой культуры дает ценнейшую информацию по самым различным сторонам и аспектам жизнедеятельности народов и этносов. Нет такого места на земле, где дети не играли бы в игрушки. Для ребенка они служат мостом между вымыслом и реальностью. В силу своего таланта дети с помощью игрушек всегда способны воссоздать радостный мир своей фантазии, могут путешествовать из одного мира в другой, смешивая реальность и вымысел. Свои представления о цвете, форме, звуке, чувствах, привязанности, нежности, взаимоотношениях между людьми и даже ощущение безопасности ребенок связывает также именно с игрушками. Детские игрушки дают нам возможность проникнуть в прошлое человечества. Кроме того, в них отражается возникновение новых форм материальной культуры, когда устаревшие предметы быта часто превращались в игрушки и становились свидетельством прошлого. Игрушки, естественно, тесно связаны с игровой культурой в целом.

Игра занимает огромное место в жизни ребенка, в детском мироощущении. Ведь не случайно отмечается, что именно в процессе игры ребенок познает окружающий его материальный и духовный мир. Пожалуй, самым важным является социализирующий аспект игры: моделирование взрослого социума с присущими ему межгрупповыми отношениями и этикетно-поведенческими нормами (*Магомедов М.З.*, 1994. С.7). К тому же поведение ребенка в процессе игры – это адекватное возрастным потребностям и физио-

логическим характеристикам особенное психологическое состояние. Естественно, что подобное отношение к игрушкам и их социализирующим возможностям свойственно как народам Дагестана, так и всем народам Северного Кавказа.

Материал игровой деятельности раскрывает основные аспекты воспитания детей, рисует широкую картину общего процесса социализации ребенка, охватывающей все сферы традиционной культуры, а также возможности трансмиссии наличной бытовой и общественной культуры. Именно в игре ребенок учится взаимодействовать с окружающим миром, не касаясь его вплотную, а лишь моделируя наблюдаемое в нем в своем, безопасном и отгороженном от взрослых пространстве. Здесь соединяется реальность и воображение, создаются разнообразные миры, параллельные взрослому.

Когда же речь шла об обучении конкретным навыкам, прежде всего верховой езде, овладению рукопашным боем, владению оружием, тут, как правило, подростками руководили отец, дед или старшие братья. Если же их не было, то обычно дядя или другой близкий взрослый родственник; они обучали мальчиков, давали советы, демонстрируя те или иные действия лично, указывали на ошибки. Есть свидетельства, что женщина-вдова сама обучала своего сына владеть оружием и управлять конем. Говоря о физическом воспитании, нельзя не сказать об интересной школе для мальчиков, которая бытовала в Чечне. З.И. Хасбулатова сообщает: «В эти школы детей отдавали в возрасте 10 лет, она (школа) могла быть в данном населенном пункте или в соседнем. Дети, будучи на обучении в подобных школах, общались со своими родителями, но жили постоянно у учителя – «устаз», (учителя называли устазом). Учителем «устаз», как правило, был человек, достигший 60–65 летнего возраста, о котором в народе говорили «юкъ йосту хан ю цуна» – у него возраст для распоясывания зрелости и мудрости.

До 65-летнего возраста чеченец должен был быть готовым в любую минуту к любым испытаниям. Безусловно, учитель отличался мудростью, опытом жизни, был физически здоровым и развитым. И он в течение 5 лет постоянно, изо дня в день занимаясь, готовил детей – мальчиков к жизни. Обучал их счету, определять время, направление по звездному небу, этикету, правилам поведения в разных ситуациях, опыту ведения хозяйства. Подобное традиционное воспитание, по нашим материалам, было жестким. Провинившихся наказывали. Одним из наказаний было такое: брали 9 прутьев, 7 из которых должны были сломаться от ударов, двумя оставшимися перевязывали виновного и оставляли так на несколько дней.

За время своего обучения мальчики должны были зимой побывать в горах и песках, имея при себе веревку, ножичек и огниво; считалось большим позором, если у юноши там (в песках, или горах) погибала лошадь. Одно из сложных испытаний было, когда ребят бросали в глубокую яму (3–4 м). Находясь в ней надо было по полету определять птицу, по звукам определять обстановку в окружности ямы и т.д. По следу животных узнавали, какой зверь прошел, был он голоден или сыт, потревожен или нет, сколько времени прошло после этого и т.д. Были специальные упражнения, которые отличались сложностью и трудностью. Вставали учащиеся задолго до восхода солнца – «Са хюла седа кхетали», не имели права ложиться до наступления ночи.

При отдаче в такую школу своего сына на обучение отец говорил: «да!ахкаш сан ю, дилха хъан ду» – кости мои, тело твое» (Хасбулатова З.И., 2007. С. 190–191). Перечень занятий «учеников», позволяет определить эту школу, как «школу выживания».

Хорошая физическая форма в любом возрасте как для девочек, так и для мальчиков была просто жизненной необходимостью в горной, сильно пересеченной местности, где ребенок, даже маленький, постоянно сталкивался с необходимостью выполнять поручения, где скорость, сноровка, выносливость играли не последнюю роль: нужно было принести воду, причем родник не всегда был близко, сходить и привести в село заблудившуюся скотину, собрать вязанку хвороста или травы; быстро сбегать с поручением на край села или даже на ближайший хутор и т.д.; перечень подобных поручений был обширным. А уже после 10 – 12 лет девочки и с 12–15 лет мальчики в полной мере должны были при необходимости заменить мать и отца в хозяйстве, что тоже было невозможно без хорошей физической подготовки.

Следует отметить, что по мнению некоторых исследователей, единых форм и методов обучения физическим упражнениям и играм, а также искусству владения оружием у горцев Дагестана не было (*Дибиров М.А.*, 1968. С. 14). Однако наш материал относительно Дагестана и народов Северного Кавказа свидетельствует, что, когда у парня начиналось половое созревание, появлялся пушок над губами, мутировал голос и т.д., то считали, что его следует очень хорошо кормить, и нужно также усиленно заниматься спортом (бегом, прыжками, скачками), но ни в коем случае не поднимать тяжести и не заниматься борьбой. Считалось, что это тот самый период, когда мальчик идет в рост. Хороший рост мальчика считали признаком того, что его в детстве хорошо кормили. Таким образом, различными методами добивались правильного общефизического развития. В целом вся организация физического воспитания, в которой вроде бы и не было особой системы, была призвана подготовить детей как к трудностям быта, так и к защите своего очага и села.

Продемонстрировать физическую подготовку можно было на различных общественных мероприятиях и праздниках. Обязательным действием праздников были многочисленные соревнования, которые устраивались после основных обрядовых действий.

В этнографических источниках зафиксированы рассказы о системе воспитания, инициациях юношей, суть которых заключалась в прохождении всевозможных физических испытаний, борцовских поединков (*Карпов Ю.Ю.*, 1996. С. 20 – 21). Именно с ними исследователи связывают традиции существования в Дагестане т.н. «мужских союзов», «одной из функций которых были тренировки и подготовка к ежегодным поединкам сельских силачей во время праздника «первой борозды» (*Карпов Ю.Ю.*, 1996. С. 45). Соревнования устраивались по возрастным группам (*Чурсин Г.Ф.*, 1913. С.20). Детские и подростковые группы соревновались после взрослых. Первыми обычно устраивали состязания по бегу. Старт чаще давали командой, реже стрельбой. Есть свидетельства, что сигналом к началу бега в прошлом был выстрел из лука «стрелой-свистуньей» (*Дибиров М.А.*, 1968. С. 78), специальной стрелой, которая свистела при полете (*Краснов А.И.*, 1963. С.43). На этом празднике устраивали как обычный бег, так и бег в мешках. Особенно нравился этот вид бега детям младшей возрастной группы. На дистанции можно было передвигаться прыжками. Он вызывал много смеха, что на празднике было весьма уместно. Для «бега с мешком» требовалась не скорость, а выносливость и выдержка. Считается, что в далеком прошлом «и в Дагестане, и в Чечне, и в Ингушетии, и в Кабарде, и в горах Грузии бег проводился в мешках, изготовленных из шкур диких зверей» (Очерки истории Дагестана. 1957. С.35). Побе-

дившие подростки, как правило, в качестве подарков получали от родственников кинжал, отрезы. Дети получали круглый хлеб и сладости. Чемпионы по бегу становились объектами всеобщего восхищения.

На этих же праздниках устраивалась также борьба, один из популярнейших в Дагестане и у некоторых народов Северного Кавказа вид соревнований. Особенностью дагестанской национальной борьбы является положение в стойке под аккомпанемент зурны и барабана, и общеизвестно, что это один из видов спорта, который и в настоящее время помогает возвращать чемпионов с мировым именем. Специального оборудования для борьбы не требовалось, ее проводили на площадке, предварительно очищенной от камней, иногда стелили войлок на сено. Говорят что, в некоторых населенных пунктах бывали специальные места для борьбы и подготовленные опилочные ямы, их специально к празднику приводили в порядок. Как уже было отмечено, борьбой заниматься разрешали с определенного возраста, и визуальная весовая пропорция учитывалась при спаррингах детей. Победителей-борцов, в том числе и детей, чествовали подбрасыванием.

Часто кульминацией праздника обычно становились скачки. Следует отметить, что конные виды спорта занимали огромное место в системе физического воспитания мальчиков. Конь присутствует во многих фольклорных памятниках как народов Дагестана, так и Северного Кавказа. Об отношении горцев Дагестана к коню говорит тот факт, что его использовали главным образом для верховой езды, и мальчиков начинали учить этому с 8–10 лет. Первый выезд на коне отмечался в некоторых селах как праздник, в частности у ногайцев, у рутульцев в этот день что-нибудь раздавали. У кабардинцев, адыгов, черкесов, в зависимости от социальной среды, начинали обучать верховой езде даже в 5–6 лет. Но в скачках участвовать разрешалось только после 12 лет.

Следует, однако, отметить, что на Северном Кавказе культ коня, пиитетное отношение к нему, эквивалентность владения чистокровным конем и всей «вселенной», более выражены у черкесов. И цена их была высока: «Черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости... за них до сих пор платят до 200 пиастров, но в этой стране имеются еще более знаменитые лошади, за которых дают до 8 рабов», – писал еще в 1757 г. К. Пейсонель (*Пейсонель К.*, 2008. С.59).

С.Х. Мафедзев отмечает: «Не будет преувеличением сказать, что жизнь адыга с детства была связана с конем, что адыгский ребенок рос с мечтой иметь коня. Культ коня, его одухотворение можно наблюдать не только в повседневности, но и в мифологии. В устном народном творчестве, может быть, самыми увлекательными сказаниями, преданиями и сказками, причем не только по содержанию, но и по эмоциональному воздействию, являются именно те, в которых всадник и конь сообща совершают самые благородные свои поступки – добывание огня или пищи для людей, вызволение слабых и справедливости, взаимовыручки и дружбы и т. п.» (Мафедзев С.Х., 1991. С.50). В многочисленных нартских сказаниях конь представлен как единомышленник, который обладает разумом и человеческой речью, как собеседник, а как мудрый советчик, преданный друг (Нарты, 1974. С. 201–202).

С раннего возраста адыги начинали приучать мальчиков не бояться лошадей и любить их. Делалось это каждодневно и незаметно. По данным С.Х. Мафедзева, «Уже совсем маленьких детей подбрасывали на руках со словами: «Цуушхуэ, шу цыкфу» (Всадник большой, всадник маленький), или катали на коленях, припевая:

«Шу, шу, къоклуэ, шу, шу, къос, пшгІэ-гъуалэм тещ, и пэр сырнзщ» (Всадник, всадник едет, всадник, всадник здесь, на сером коне, носом свистит). Эти и им подобные прибаутки, которыми так богат фольклор адыгов, уже в младенческие годы пробуждали в детях особое отношение к лошадям, желание сесть на коня, испытать радостное чувство едущего верхом. Отсюда недалеко было до таких простейших игр, как «чыш» (хворостина-конь), «шу» (всадник), «шу щІзрашгІэ» (справный всадник) и т. п., с помощью которых воображение всадника, тем самым, усиливая желание поскорее научиться ездить на настоящей лошади» (Мафедзев С.Х., 1991. С. 151)

Верховой езде детей у северокавказских народов, как уже говорилось, начинали учить с пяти – шестилетнего возраста, но «собственного коня мальчик получал, если семье это было вообще под силу, только годам к четырнадцати – пятнадцати» (Смирнова Я.С., 1968. С. 129). Иногда мальчикам поручали жеребенка-сосунка, по каким-либо причинам потерявшего мать. Уже к 12 годам мальчик должен был хорошо владеть конем, уметь ухаживать за ним. Как в воспитании ребенка, так и в дрессировке коня большое значение придавалось строгому, но спокойному и доброжелательному обращению.

Стимулом для дальнейших занятий подростков физической подготовкой служили участие и их победы в различных конных состязаниях. Повсеместно, как в Дагестане, так и на Северном Кавказе, различные соревнования устраивались с началом весны во время известных праздников – Новруз Байрама, Первой борозды; Свадьбы пашни; Выхода плуга и т.д., которые возвещали начало Нового года. Особенно важным компонентом этого праздника являлись скачки. Чеченцы устраивали скачки на третий день после весеннего равноденствия. Исследователь народного календаря чеченцев и ингушей З.А. Мадаева отмечает, что ингушкестинцы устраивали скачки в случае совпадения Нового года с понедельником, что считалось счастливой приметой. О скачках заранее извещали, приглашались наездники из соседних обществ по пять человек от осетин, грузин, народов Дагестана и т.д., что являлось показателем добрососедских, дружеских отношений с соседними народами.

Для первой тройки победителей выставлялись призы. Победившему наезднику на шею надевали кольцообразный, украшенный яйцами хлеб; родственники одаривали его всевозможными подарками. Чаще всего это было что-нибудь из оружия (кинжал, пистолет и т.п.), принадлежности конской упряжи (седло, сбруя, красивая уздечка и т.д.); в качестве приза могли разыгрываться бык, баран, иногда деньги, в редких случаях это могла быть верховая лошадь с полным снаряжением.

Слава о победивших на соревнованиях, будь то бег, прыжки, борьба, скачки, выходила за пределы родного селения. Результаты, в том числе детские и подростковые обсуждались как в кругу мужчин, так и в кругу женщин, на посиделках, дома. Победителей помнили до следующих соревнований, иногда сравнивали. Были и другие праздники, связанные с календарем, которые свидетельствовали, что у горцев Дагестана и Северного Кавказа спорт, спортивные состязания во время весенне-летнего цикла имели важное значение именно для физической подготовки подрастающего поколения. Тренировки к предстоящим соревнованиям начинались задолго до праздника и сопровождалось физическими и духовными усилиями, что требовало трудолюбия, выдержки, целеустремленности и т.д.

Если календарные праздники проводили раз в году, то свадьбы игрались гораздо чаще, почти круглый год, хотя большинство осенью, после окончания сель-

скохозяйственных работ. На свадьбе не было разнообразных соревнований, но скачки проводились. Это были так называемые «скачки вдогонку», которые описаны М.А. Дибировым: «Одному из джигитов, выигравшему по жребию, вручали от имени невесты и жениха платок или узорчатый кисет, полотенце или папаху жениха, и он в тот же миг срывался с места. За ним в погоню пускались другие участники состязаний. Владелец эстафеты, держа ее в одной руке высоко над головой, должен был уступить ее тому, чья лошадь оказывалась быстрее. Пока участники пройдут всю дистанцию, почетная эстафета часто переходила из рук в руки, и побеждал тот, кто приносил ее к условному финишу (обычно к дому жениха)» (Дибиров М.А., 1968. С. 55). Скачки устраивали и во время сопровождения невесты в дом жениха: первый, кто сообщал о приближении поезда невесты, получал приз – круглый хлеб и какой-нибудь предмет.

Зрелищность при помощи всевозможных действий и обрядов, совершавшихся при стечении огромного количества зрителей, основную массу которых составляли дети и женщины, была особенностью традиционных горских свадеб. Во всех конных состязаниях, в том числе и свадебных, чаще всего принимали участие подростки 14–15 лет, поскольку, чем легче был всадник, тем быстрее удавалось коню прийти к финишу (Дибиров М.А., 1968. С. 54).

Естественно, что навыки верховой езды были необходимы не только для того, чтобы участвовать в скачках на праздниках и свадьбах, но и для того, чтобы при необходимости защитить себя, свою семью, тухум (фамилию, тейп) и родное общество от врагов. Хорошо организованную физическую подготовку подрастающего поколения можно отнести к одному из важнейших в кавказской культуре институтов социализации и формирования мужественности.

Таким образом, трудовое и физическое воспитание – яркие показатели гендерной стратификации детей и подростков, трансмиссии бытовой культуры и общественного быта. Они в определенной степени становились гарантом этнической идентичности народов Дагестана и Северного Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антология мировой философии. Европейская философия от эпохи возрождения по эпоху просвещения. 1970. Т. 2. М.

Аркин А.Е., 1935. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. М.

Булатова А.Г., 2000. Лакцы. Махачкала.

Гаджиева С.Ш., Османов М-З. О., Пашаева А.Г., 1967. Материальная культура даргинцев. Махачкала.

Головин В.В., Лурье М.Л. Подростковые сообщества в современной России: мегаполис, провинция и деревня// <http://www.ruthenia.ru/folklore/lurjem8.htm>

Гуртуева М.Б., 1997. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа (в связи с общностью проблемы традиционных педагогических культур народов Северного Кавказа). Нальчик.

Дибиров М. А., 1968. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала.

Исламмагомедов А.И., 2002. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала.

Карпов Ю.Ю., 1996. Джигит и Волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.

Карпов Ю.Ю., 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.

- Кон И.С.*, 1998. Ребенок и общество. М.
- Краснов А.И.*, 1963. Физкультура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный.
- Магомедов М.З.*, 1994. Народные игры лезгин в XIX – начале XX века. Автореф. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Махачкала.
- Мафедзев С.Х.*, 1991. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик.
- Мусаев М.Г.*, 2006. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов центрального и западного Дагестана (аваро-андо-цезы, даргинцы, лакцы). Автореф. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Махачкала.
- Нарты. 1974. Нальчик.
- Ногмов Ш.Б.* 1994. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик.
- Песни вайнахов. 1972. Грозный.
- Очерки истории Дагестана. 1957. Т. I. Махачкала.
- Пейсонель К.*, 2008.. Трактат о торговле на черном море. 1757г. // Черкесская лошадь. Коневодство и конезаводство. Сборник источников. Сост. С.Х. Хотко. Нальчик.
- Рагимова Б.Р.*, 2001. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала.
- Рейсон-Правдин А.Н.*, 1949. Игры и игрушки народов Обского севера (социальные корни игры) // СЭ. №3.
- Смирнова Я.С.*, 1968. Воспитание детей в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // УЗАНИИ. Т.8. М.
- Спиркин Г.А.*, 1978. Человек, культура, традиции // Традиции в истории культуры. М.
- Хасбулатова З.И.*, 2007. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М.
- Чурсин Г.Ф.*, 1913. Очерки по этнографии Кавказа. Тифлис.
- Эльконин Д. Б.*, 1978. Психология игры. М.